

Книжные новинки

Язык образов времени: ёлкфри, заужайзинг, тиктокер, хайпожор... (О «Словаре перемен 2017–2018»)

Олег Викторович Никитин, Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия), olnikitin@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170026395-3

АННОТАЦИЯ: Анализируется «Словарь перемен 2017–2018» (2022), составленный М. Вишневецкой, как лексикографический феномен в русле историко-культурных, социальных и языковых трансформаций в разговорной речи нашего времени. Отмечается оригинальность концепции издания, представляющего собой словарь-хронологию новых явлений, возникших в 2017–2018 гг. и зафиксированных в публицистике, Интернете и речевой практике разных слоев населения. Констатируется, что представленные в книге заимствования, фразеологизмы, элементы общественно-политического и бытового жаргона, выражения-мемы и синтаксические идиомы во многом носят окказиональный характер. Они стали реакцией общества на форсмажорные ситуации и конкретные действия или высказывания государственных деятелей и медийных персон, творчески переосмысленные журналистами и соотнесенные с историческими реалиями. Говорится об экспрессивности языковых примеров, метафоричности образов и форм. Указывается на то, что приемы словоупотребления 2017–2018 гг. отличаются от стандартных неологизмов конца 1990-х гг. символичностью, эффектом культурного взрыва и пока еще не до конца закрепились в общенародном использовании. Они составляют все более увеличивающуюся прослойку некодифицированных элементов русского языка, которая раздвигает

традиционное деление на стили речи. Комментируются наиболее яркие и необычные образцы «филологии абсурда», отражающие динамику современной коммуникативной полилингвальности. Подчеркивается разнообразие фонетических, грамматических, лексических и стилистических способов создания спонтанного речетворчества, необычность сопроводительных примеров и коннотаций. «Словарь» может служить источником пополнения лексикографической неологии. Его материалы будут полезны не только лингвокультурологам, журналистам и спичрайтерам, но и кодификаторам языковых изменений. В статье изучается вопрос профессионального отбора неологизмов путем погружения их в естественную стихию живой речи и адаптации к традиционным формулам публицистики и нормативной стилистики. Ставится проблема анализа и классификации субстандарта, выходящего за принятые схемы системности и ярусности языковых явлений. Делается вывод о необходимости изучения активных процессов русского языка с учетом постоянно меняющейся социолингвистической ситуации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лексикография, социолингвистика, языковая норма, субстандарт, стилистика, общественно-политическая лексика, речевая экспрессия, неологизм

для цитирования: Никитин О. В. Язык образов времени: *ёлкфри, заужайзинг, тиктокер, хайпожор...* (О «Словаре перемен 2017–2018») // Русская речь. 2023. № 4. С. 113–127. DOI: 10.31857/S013161170026395-3.

Book News

The Language of Time Images: *yolkfri, zauzhaizing,* *tiktoker, khaipozhor...* (On “A Dictionary of 2017–2018 Changes”)

Oleg V. Nikitin, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia), olnikitin@yandex.ru

ABSTRACT: The article analyzes "A Dictionary of 2017–2018 Changes" (2022), compiled by M. Vishnevetzkaya, as a lexicographic phenomenon in line with historical, cultural, social and linguistic transformations in the colloquial speech of modern time. The originality of the concept of the publication, which is a dictionary-chronology of new phenomena that arose in 2017–2018 and entrenched in journalism, the Internet and speech practice of different segments of the population, is noted. It is stated that the borrowings, phraseological units, elements of socio-political and everyday jargon, meme expressions and syntactic idioms presented in the book are largely of an occasional nature. They became a reaction of society to force majeure situations and concrete actions and remarks of statesmen and media persons, creatively reinterpreted by journalists and correlated with historical realities. It is said about the expressiveness of the language models, the metaphoricity of its images and forms. It is pointed out that the methods of word usage in 2017–2018 differ from the standard neologisms of the late 1990s in symbolism, the effect of a cultural explosion and have not yet been fully entrenched in national use. They make up an increasingly increasing layer of uncoded elements of the Russian language, which pushes the traditional division into speech styles. The most striking and unusual examples of the "philology of the absurd" are commented on, reflecting the dynamics of modern communicative polylingualism. The variety of phonetic, grammatical, lexical and stylistic ways of creating spontaneous speech, the uniqueness of accompanying examples and connotations are emphasized. "A Dictionary" can serve as a source of replenishment of lexicographic neology. Its materials will be useful not only to specialists in culture of language, journalists and speechwriters, but also to codifiers of language changes. The article examines the issue of professional selection of neologisms by immersing them in the natural element of live speech and adapting them to traditional formulas of publicism and normative stylistics. The problem of analysis and classification of the substandard, which goes beyond the accepted schemes of consistency and tiering of linguistic phenomena, is posed. The conclusion is made about the need to study the active processes of the Russian language taking into account the constantly changing sociolinguistic situation.

KEYWORDS: lexicography, sociolinguistics, linguistic norm, substandard, stylistics, socio-political vocabulary, speech expression, neologism

FOR CITATION: Nikitin O. V. The Language of Time Images: *yolkfri, zauzhaizing, tiktokker, khaipozhor...* (On "A Dictionary of 2017–2018 Changes"). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 4. Pp. 113–127. DOI: 10.31857/S013161170026395-3.

Традиция составления неологических словарей русского языка в последние десятилетия переживает невероятный подъем. Если в 1970–1980-е и даже в 1990-е годы законодателем лексикографической моды и главным информатором о том, что происходит в мире живой речи были известные сборники «Новое в русской лексике» и им подобные, выходившие под редакцией З. Н. Котеловой, Е. А. Левашова (см., например: [Котелова (ред.) 1984; Левашов (ред.) 1996]) и академические словари иностранных слов [Крысин 1998], то конец XX столетия и особенно XXI век обогатили науку интересными авторскими изданиями, написанными по-другому и рассматривающими новейший срез лексики или определенную эпоху: в Париже опубликована книга D. Haudressy об изменениях в русском языке начала 1990-х [Haudressy 1992], изданы «Толковый словарь русского языка конца XX века» [Скляревская (ред.) 1998], «Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» [Скляревская (ред.) 2006], «Толковый словарь языка Совдепии» [Мокиенко, Никитина 1998], в Мюнхене выпустили книгу известного тартуского слависта А. Д. Дуличенко «Этносоциолингвистика “Перестройки” в СССР: антология запечатленного времени» [Дуличенко 1999], появились многочисленные электронные и печатные словари компьютерных и интернет-терминов (см., например: [Кронгауз (ред.) 2016]) и т. д.

Академическая лексикография с ее обширными фондами и бумажными картотеками, ручной работой по карточному принципу уже не справлялась с потоком заимствований и не могла быстро освоить актуальные ресурсы (чаты, Инстаграм, Интернет, личные блоги, хэштеги и т. п.), которые стали проводниками образов времени. Они и не вписывались в строгие правила научной словарной деятельности. Справочные издания составляли тщательно, годами, выверяя каждую форму. Потому они часто запаздывали, рассказывая читателям о том, что осталось в истории. Например, книга «Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов» [Левашов (ред.) 1997] вышла только в 1997 г. Старательно подготовленный учеными Института лингвистических исследований РАН трехтомный лексикон «Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века» [Буцева 2009–2014] писали около десяти лет и потом еще издавали шесть лет... Такие книги, безусловно, имеют большую ценность как культурный фонд традиционной лексикографии.

В 2010-е резко изменилась эпоха, и на первые полосы электронных ресурсов вышли совсем другие риторические манеры. Слова и выражения

вроде *солимпиадить, ленинопад, чотаржу, средства массовой дезинформации, постгендерное общество* и др. (см.: [Вишневецкая (сост.) 2015] возникали очень часто, порой ежедневно, удивляя общественное сознание современников «левиафанией», «битвой холодильника с телевизором», «подрывом духовных скреп» и «карпулингом» [Вишневецкая (сост.) 2018: 19, 21–22, 25]. Социальная напряженность повысила интерес аудитории к «языку вражды»: стала популярна лингвоконфликтология, свежие оттенки приобрела политическая лингвистика (постепенно вошел в научный обиход идеологический дискурс, явившийся своего рода путеводителем по эпохе [Гусейнов 2003]), в «уличном» лексиконе заметна военная терминология. Жаргоны и инвективы оказались популярны и в неограниченном количестве тиражируются в телеграмм-каналах, откликах читателей, даже на телевидении, переворачивая сложившуюся картину мира литературного языка и погружая ее в неустойчивую область взрывной коммуникации. Новая «революционная эпоха» коронавируса пошатнула культурное пространство нескончаемым парафразом, языковым стебом, причудливыми метафорами, экспрессивной фразеологией и просто вооружась в виртуальный мир языка со своими законами (ср. [Приемышева (отв. ред.) 2001а; 2001б]). Началось глобальное речетворчество и нашествие новояза — *ковидобесие* и *ковидославие*.

Составитель и автор проекта подготовки «Словаря перемен»¹ (а к настоящему времени изданы уже три книги, включившие лексемы, мемы, афоризмы и идиомы недавних лет — 2014-го [Вишневецкая (сост.) 2015], 2015–2016-го [Вишневецкая (сост.) 2018] и 2017–2018-го [Вишневецкая (сост.) 2022]) предпринял необычный шаг показать то, как язык провоцирует время, и наоборот, отражается во времени. И в этом смысле новое издание в чем-то продолжает концепцию подготовки «Материалов к Русскому Словарю общественно-политического языка XX века» [Гусейнов 2003]. Лексикограф не побоялся высветить и прокомментировать наиболее болезненные явления таким же словесным «карнавалом» и погрузить нас в подполье языковых миров разных социальных групп. Читая книгу, мы вспомним недовольных программой реновации правительства Москвы, прозванной *хреновацией* [Вишневецкая (сост.) 2022: 45], окажемся свидетелями научных баталий (например, в книге отмечено выражение *доктор белгородских наук*, возникшее в результате скандала, разгоревшегося вокруг диссертации бывшего министра культуры РФ В. Мединского [Вишневецкая (сост.) 2022: 64]). Только в этом издании можно увидеть, какую словесную оболочку приобрел один из

¹ Словарь перемен 2017–2018 / Сост. М. Вишневецкая. М.: Три квадрата, 2022. 288 с.; цв. вкл. 24 с. — ISBN 978-5-94607-256-4.

популярных мемов 2017 г., использованный «Оксимороном в батле с Гнойным», — *изи-изи, рил-ток, синк эбаут ит* [Вишневецкая (сост.) 2022: 71–72]. В книге приведены по датам пиковой фиксации и новейшие заимствования, получившие распространение в сети Интернет, например: *майнинг* — «добыча криптовалюты»; сленговое молодежное *дороу* — «приветствие, вербально-визуальный мем с искаженным изображением собаки, сфотографированной сквозь бокал, и подписью “дороу” (реже — “Дароу” или “Здароу”)); *рофл* — от английской сленговой аббревиатуры ROFL = Rolling On the Floor Laughing — «катаюсь от смеха по полу», означающее «хохочу, смеюсь; шутка, прикол, розырыш. Часто используется в интернет-переписке и комментариях для передачи безудержного хохота». Отсюда же возникли слова *рофлить*, *рофлю* и *рофлер* — «шутник, балагур» [Вишневецкая (сост.) 2022: 56–59].

Судя по данным автора книги, не остывает имяславческое речетворчество народа: *трампизация*, *Чубайк*, *Putin Team*, *Брезидент Прежнев* (из подборки 2017 г.), *вагнеровцы*, *как тебе такое*, *Илон Маск?* (мем), *Слуцкий-гейт*, *путинейджеры*, *нога Акинфиева* (мем), *Бензя*, *Москва похорошела при Собянине*, *мамаево кокорыще* (из подборки 2018 г.). «Мемные» фантазии журналистов часто соревнуются с правилами языка и даже побеждают их вопреки традиционным нормам. Эти живые картинки «попадают в словарь уже окрашенными нашей эмоцией, предполагающей оценку явления» [Костырко 2022].

Как только открываешь любую из трех книг, испытываешь сразу чувство филологического потрясения от палитры сетевых жаргонов, не вписывающихся ни в какие традиционные рамки ученого-лексикографа. «Марину Вишневецкую можно обвинить только в одном: она не дает читателю опомниться от творческого угара своих соотечественников» [Гусейнов 2015: 9].

Анализируемую книгу не в полной мере можно отнести к стандартным лексикографическим источникам с нормативными принципами выборки, толкования и привычным аппаратом грамматических и стилистических помет. Это словарь-дневник, «жанровый гибрид» [Балла 2022], «драма времени, запечатленная в книге», и одновременно рассказ филолога о происходящем вокруг, дающего «хлесткие словесные формулы эпохи» [Гусейнов 2015: 6–7]. Это и диалог с читателем. На него обрушивается ураган «хитов политического дискурса» с их оскорбительными интонациями, которые мгновенно подхватывают щедрые на речевые миниатюры журналисты и воплощают в своем творческом репертуаре так беззастенчиво откровенно и внежанрово, что интеллигентное сообщество, воспитанное на добропорядочной цензуре, конечно же, не воспримет модный сленг. Здесь и *Идоллопоклонская*, и *кириенковская оттепель*, и *кроссовки*

Медведева, и Бабченко Шрёдингера. Вспоминается книга В. Г. Костомарова «Наш язык в действии», говорившего в начале XXI века о том, что наступает новая эра стилистики: стремительно меняются схемы общения, классическое понятие *текст* теряет терминологическое постоянство, происходит резкое снижение стиля, большую роль в языковой моде играют «власть контекста» и экранная культура, а итог, к которому пришел ученый, свидетельствует о том, что «карнавализация» стала «мотивом динамики языка» [Костомаров 2005]. Лингвистический «троллизм» ввели не ученые. Это плод народного творчества — такого, какое создали мы, — трагикомического, фарсового, перемешанного с сетевым языком, но в отличие от прежних частушек — более резкого и пронзающего до глубины филологического сердца даже тех читателей, которые не знакомы с этой наукой. Может, и поэтому автор вступительной статьи к первой книге «Словаря перемен» озаглавил ее «Лексикограф в аду» [Гусейнов 2015], намекая на то, что представленный материал порой находится за гранью «человеческого» облика слова.

И все же М. Вишневецкая ведет и диалог с профессиональным читателем, как бы сопротивляясь натиску лингвистов-пуристов, постоянно задающих один и тот же вопрос: «А это точно словарь?» Ведь его подлинный автор — интернетовское сообщество, реагирующее мемами и нарицательными высказываниями на самое злободневное. Подобные слова создаются спонтанно и так же быстро могут забыться: «Жизнь неологизмов и мемов, нередко измеряемая неделями или месяцами, будто у бабочек и комаров, мелькнувших, пискнувших и исчезнувших навсегда, в этом словаре прослеживается на протяжении нескольких лет...» [Вишневецкая (сост.) 2022: 6]. Но и такое минимальное долгожительство есть важный историко-лингвистический факт, который автор, не поднимаясь на высоту академических идей и не конкурируя с толстыми словарями-тезаурусами, интерпретирует по-своему убедительно: книга ставит задачу «передать образ времени, его черты и приметы, отбирая слова-маркеры происходящих в социуме перемен» [Вишневецкая (сост.) 2022: 7]. Можно даже обозначить эти сферы: бытовые и общественные конфликты и движения (как следствие таких неурядиц возникли *предпрениционер, заужайзинг, ёлкфри* и др.), гендерные проблемы (появились многочисленные *абьюзы* и *газлайтинги*), манипуляция СМИ (*альтернативные факты*, ...), активизация волонтерской деятельности (*чистобег, психоактивизм...*), молодежная субкультура с ее *мэтчами, нюдсами, свайпингом* и просто эмоциональные характеристики типажей, таких, как *тиктокер* и *хайпозор*. Понятно, что при такой какофонии слов-однодневок только самый активный интернет-пользователь может разобраться в многообразии смысловых оттенков заимствований. Поэтому автор адресует

издание «всем, кто не поспевает за переменами в языке и хочет наверстать упущенное. Всем, кто знает, что язык не портится, а меняется — и тем, кто сомневается в этом» [Вишневецкая (сост.) 2022: 9].

Мы, признаемся честно, из числа раздумывающих, как *такое* можно «олитературить»... Открывается «книга перемен» 2017 г. словом *ёлкфри* (с датировкой его закрепления — 2.01.2017, когда был пик запросов в поисковых системах — именно этот принцип и применяется для фиксации времени появления слова). Приведем статью полностью:

Ёлкфри, нескл. (шутливое, образовано по аналогии с «чайлдфри» от англ. *childfree*: *child* — ребенок, *free* — свободный) — отказ от установки новогодней елки, шире — от празднования Нового года и подарков близким.

- Ставь лайк, если ты ёлкфри (28.12.2016, твит @AArguchinsky).
- В общем ребзя, быть ёлкфри, это так же прогрессивно как чайлдфри², только в отношении ёлок. Считаю, что чем меньше людей срубят живые растения в угоду застольно-пьяному празднику, тем лучше (12.12.2017, форум HeroesWM, пользователь Азураил).
- Елкфри — отказ имитировать то, что они не чувствуют на самом деле. Это заявление в такой странной форме о реальных чувствах: грусть, отсутствие надежд и прочее (7.12.202, «Вечерняя Москва», «Психолог рассказал о новом движении “елкфри”») [Вишневецкая (сост.) 2022: 13].

Диалог с читателем продолжается и «На полях», где помещены фрагменты заметок, радиоэссе, раскрывающие суть очередного новообразования Рунета, как в случае с *ждулей*: «У *Ждуль* есть свой язык, свой кодекс поведения, своя мифология. Ожидаемый это, как правило, заключенный со стажем, обладающий специальными правами: он может передавать *Ждулю* во временное пользование своим товарищам по несчастью, обманывать *Ждулю*...» [Вишневецкая (сост.) 2022: 22]. Там же обсуждаются орфографические нормы неологизмов и проблемы их стандартизации: «Как правильно “сториз” или “сторис” в “Инстаграме” или в “Инстаграм”?» [Вишневецкая (сост.) 2022: 31]. В рубрике «На полях» сообщается, в частности, что слово *батл* уже кодифицировано в 2019 г., а написание с двумя *т* является ошибочным [Вишневецкая (сост.) 2022: 71]. Показательны информативные вставки о выражениях и словах года в разных странах, о частотности «фейковых новостей». Так, например отмечается,

² Автор здесь дает ссылку: «В словаре сохранены пунктуация и орфография цитируемых текстов» [Вишневецкая (сост.) 2022: 13].

что «словом 2017 года по версии Оксфордского словаря стало *youthquake* (“юнотрясение”)», которым «называют значительные культурные, политические и социальные сдвиги, произошедшие в результате действий или влияния молодежи» [Вишневецкая (сост.) 2022: 111]. Сотрудники Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина признали словами 2018 года *шпиль* и *пенсионный* [Вишневецкая (сост.) 2022: 220]. Собранная с разных континентов лексикографическая статистика познавательна и парадоксальна (указаны и «антислова» года). Она свидетельствует о повышенном внимании общества к феномену звучащего слова как инструменту политики, отражающему важные исторические вехи и моментально реагирующему на «взрывы» времени.

Попутно заметим, что «Словарь перемен 2017–2018» я захватил на экзамен по курсу «Общее языкознание» в январе 2023 г. (в нашем случае дата важна) и провел такой эксперимент: в качестве практического задания открывал книгу на произвольной странице, читал студентам пример, наблюдая их реакцию. Так, из указанных в заглавии статьи четырех слов *тиктокер* знают все, на *хайпожора* среагировали активно и с юмором, особенно юноши (наверное, в их среде есть подобные герои; в словаре дается такое значение: *хайпожор* — «человек, использующий чужую популярность для увеличения собственного рейтинга, для привлечения внимания к себе» [Вишневецкая (сост.) 2022: 43–44]), а *ёлкфри* и *заужайзинг* оказались вне когнитивного поля филфаковской молодежи. Она чаще всего откликается на популярные и значимые именно для них события. «Социальные» слова и выражения им менее интересны. Но все это, безусловно, зависит от круга общения и личного пространства: кто-то живет в Интернете и в курсе модных течений, другие пользуются им ограниченно; одни являются носителями сетевого сленга, остальные больше слушателями. Да и наука — филология — несколько сдерживает студенческое любопытство и направляет в более культурное поле. Тем не менее эксперимент показателен в том, о чем говорит и автор обсуждаемой книги: новизна этих лексем условна; они могут на какое-то время стать кумирами целого поколения и вдруг в одночасье исчезнуть из обихода и вскоре забыться. А коммуникация тут же наполнится другим содержанием — останутся только модели слов и принципы их генерации, легко усваиваемые всеми без разделения на возрасты, статусы и профессии.

Возможно, одной из причин быстрой жизни заимствований является их косноязычность, наличие сложных для выговаривания компонентов и синонимов, создающих эффект избыточности, и как следствие — потеря смысла играть в очередной словесный карнавал. Так произошло с *заужайзингом* и близкими по значению *бордюрингом*, *бордюробесием*,

плитколожеством, тротуарингом. В нашем издании об этом явлении говорится так: «...неологизмы, появившиеся в социальных сетях в 2017–2018 годах в текстах, критикующих программу благоустройства московских улиц, которая в том числе предусматривала ремонт и расширение тротуаров за счет сужения проезжей части (*заужайзинг*). Критике блогеров и журналистов также подвергалась частая замена плитки (*плитколожество*), тротуарного покрытия (*тротуаринг*) и бордюров (*бордюринг, бордюробесие*), осуществлявшиеся с необъяснимой для наблюдателей частотой» [Вишневецкая (сост.) 2022: 148]. К тому же названные слова характерны только для одного мегаполиса, а жителям регионов они вообще неизвестны. Значит, повсеместный сленг 1990-х сменился отчасти локальными жаргонами и выражениями, ограниченными определенной территорией распространения явления, и более всего свойственен большим городам с их богатой историей, разнообразной поведенческой культурой и бесконечной «хреновацией». Такова природа социального юмора, выраженного в слове.

Удачным дополнением к текстовому формату словаря являются цветные вклейки, на которых дается статистика запросов слов и выражений в поисковой системе Яндекс. Там же помещены картинки коллажей, мемов, рекламы, твитов, иллюстрирующие жизнь языка в художественном пространстве времени, постоянно подбрасывающего нам оригинальные идеи для языкового творчества и новые слова-мотыльки.

Еще одна особенность издания заключается в том, что оно опережает академические словари неологизмов с их четкой классификацией и лингвистической атрибуцией фактов, отсеивающих все произвольное, единичное. Не раз получалось, что к моменту выхода из печати таких книг заимствованное слово уже исчезало из разряда малопонятных единиц и стало употребляться повсеместно. Парадокс, но правильные лексиконы, составленные по образцам традиционной толковой лексикографии, быстро устаревают. В нашем — «неправильном» — «Словаре перемен» все иначе: его автор не ставил цель определить, насколько впишется в систему языка та или иная словесная рифма, будет ли она в дальнейшем адаптирована к прагматической стилистике, укрепит ли ее позиция в практическом использовании. Здесь во многом представлены «шоковые» образцы речи — языковой «флешмоб» вроде *эцкере* — «давай замутим», «давай сделаем это»; *словить краш* — «влюбиться», «прийти в восторг от чего-либо и кого-либо»; *кринжово* — «мерзко, постыдно», и словесные сценарии, как, например *Satisfaction Challenge* — гражданская акция в поддержку курсантов, «оказавшихся в центре скандала из-за пародийного ролика на сингл Бенни Бенасси Satisfaction...» [Вишневецкая (сост.) 2022: 103, 191, 218, 122], но тем они и примечательны, поскольку

демонстрируют мгновенную реакцию носителя языка на когнитивные ассонансы времени. Как точно заметил автор, «...“Словарь перемен” всегда как будто спешит, ухватывая мимолетное, фиксируя, может быть, и случайное. Но вряд ли вы найдете словарь, полнее рассказывающий о дыхании времени и о словах, рождающихся на его выдохе и вдохе» [Вишневецкая (сост.) 2022: 5].

Идея подготовки авторских словарей, независимых от жанровых шаблонов и строгих лексикографических критериев, оживляет лингвистическое творчество. Оно приобретает черты настоящего эксперимента и фиксирует «словесные разломы» времени. Особенно чутки к этому те, кто создает или употребляет такие образцы речи — школьники и молодежь. На одном из недавних занятий уже другим студентам я представил пятикурсникам «Словарь перемен 2017–2018» и пустил книгу по рядам. Надо ли говорить, что мои подопечные забыли про лекцию и погрузились в чтение необычного контента, то и дело шепотом передавая соседям незнакомое слово или выражение, а порой и вскрикивая от радуги смыслов, заключенных в неожиданном экспрессивном обороте. Видя их увлеченность, я попросил тут же дополнить словарь самым свежим материалом, который на устах. Поскольку некоторые студенты уже работают в школе и слышат ненормативную речь, это спонтанное задание оказалось совсем не сложным. Так мы узнали интересные аллюзии в лексиконе подростков 2021–2022 гг. Вот некоторые из живых словесных картинок времени:

Забей, это ботинок (говорят об игроке, который напоминает, игрового бота, не умеющего мыслить самостоятельно и принимать решение);

Это шэдэ = ого, какая неприятная ситуация! (*шэдэ* — конфуз, неловкий случай);

Она тебя заскамила = она тебя обманула (*заскамит* — перехитрить, обмануть);

Ни фига они флексят! = ничего себе! Как круто они танцуют! (*флекс* может означать «выпендриваться», отсюда выражение *низкий флекс* в том же значении);

Окнуть (сказать «ОК» или «окей», например: «Он окнул» = подтвердил);

Обайденеть = обалдеть (*Европа совсем обайденела*);

Макронить = названивать кому-то без особой нужды и результата (*Хорош макронить!*).

Еще талантливые и острые на язык писатели и филологи прошлого утверждали, что «умслопогасы» (так К. И. Чуковский называл составные

слова и аббревиатуры типа *сельсовет, трудовень, ЦИК*, появившиеся в большом количестве в речевой практике 1920-х гг.) в будущем смогут оторваться от той социокультурной среды, в которой появились, и войдут в «более высокую лексику». Мудрое напутствие главного «айболита» стоит повторить и сейчас всем, кто способен прислушаться к дыханию времени, не отвергая его нигилистически, а вживаясь в его ритм, слог, интонацию: «Русский язык, несмотря ни на что, остается таким же несокрушимо прекрасным.

Каковы бы ни были те или иные жаргоны, самое их существование доказывает, что язык жив и здоров. Только у мертвых языков не бывает жаргонов. К тому же нельзя не сознаться: иные из этих жаргонных словечек так выразительны, колоритны и метки, что я несколько не удивился бы, если бы в конце концов им посчастливилось проникнуть в нашу литературную речь» [Чуковский 2012: 103–104].

Эти строки близки создателю «Словаря перемен». Хочется надеяться, что все самое бессмысленное и уродливое в языке, промелькнувшее мимо нас, когда-нибудь найдет свое место в «карнавале» очередных научных фантазий и новых филологических традиций, а может быть и ляжет в основу оригинальных жанров речи. Автор этой книги успел сделать главное: запечатлел образ нашего времени таким, какой он есть.

Литература

- Балла О. *Эцкере, синк эбаут ит.* [Рец.] Словарь перемен 2017–2018 / Сост. М. Вишневецкая. — М.: Три квадрата, 2022 // Знамя. 2022. № 8. [Электронный ресурс]: <https://znamlit.ru/publication.php?id=8406> (дата обращения: 20.02.2023).
- Буцева Т. Н. (ред.) Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009–2014.
- Вишневецкая М. (сост.). Словарь перемен — 2014. М.: Три квадрата, 2015. 224 с.
- Вишневецкая М. (сост.). Словарь перемен 2015–2016. М.: Три квадрата, 2018. 248 с.
- Вишневецкая М. (сост.). Словарь перемен 2017–2018. М.: Три квадрата, 2022. 288 с.
- Гусейнов Г. Ч. Д.С.П. Материалы к Русскому Словарю общественно-политического языка конца XX века. М.: Три квадрата, 2003. 1024 с.
- Гусейнов Г. Лексикограф в аду // Словарь перемен — 2014 / Сост. М. Вишневецкая. М.: Три квадрата, 2015. С. 5–10.
- Дуличенко А. Д. Этносоциоллингвистика «Перестройки» в СССР: антология запечатленного времени. München: Sagner, 1999. 583 с.
- Костомаров В. Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 287 с.

- Костырко С. Книги: выбор Сергея Костырко // Новый мир. 2022. № 6. [Электронный ресурс]: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2022_6/Content/Publication6_8050/Default.aspx (дата обращения: 19.02.2022).
- Котелова Н. З. (ред.). Новое в русской лексике. Словарные материалы-80. М.: Рус. яз., 1984. 287 с.
- Кронгауз М. А. (ред.). Словарь языка интернета.ру. М.: АСТ-Пресс Книга, 2016. 288 с.
- Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов: Около 25 000 слов и словосочетаний. М.: Рус. яз., 1998. 846 с.
- Крысин Л. П. Очерки по социолингвистике. М.: ФЛИНТА, 2021. 360 с.
- Левашов Е. А. (ред.). Новое в русской лексике. Словарные материалы-88. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 420 с.
- Левашов Е. А. (ред.). Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 904 с.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 701 с.
- Приемышева М. Н. (отв. ред.). Русский язык коронавирусной эпохи: коллективная монография. СПб.: ИЛИ РАН, 2021а. 610 с.
- Приемышева М. Н. (отв. ред.). Словарь русского языка коронавирусной эпохи. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021б. 550 с.
- Скляревская Г. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка конца XX века: языковые изменения. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 700 с.
- Скляревская Г. Г. (ред.). Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика: около 8500 слов и устойчивых словосочетаний. М.: Эксмо, 2006. 1131 с.
- Чуковский К. И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 4: Живой как жизнь: О русском языке; О Чехове; Илья Репин; Приложение / Сост., коммент. Е. Чуковской. 2-е изд., электронное, испр. М.: Агентство ФТМ, Лтд., 2012. 592 с.
- Haudressy D. Ces mots qui disent l'actualité: les mutations de la langue russe. Paris: Institut d'études slaves, 1992. 267 p.

References

- Balla O. *Eshchkere, sink ebaut it*. [Rev.]: *Slovar' peremen 2017–2018* [A Dictionary of 2017–2018 changes]. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2022. *Znanya*. 2022, no. 8. (in Russ.) Available at: <https://znamlit.ru/publication.php?id=8406> (accessed 20.02.2023).
- Butseva T. N. (ed.). *Novye slova i znacheniya: slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka: in 3 t.* [New words and meanings: reference dictionary on the materials of the press and literature of the 90s of the XX century: in 3 vols.]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2009–2014.

- Chukovskii K. I. *Sobranie sochinenii: V 15 t. T. 4: Zhivoi kak zhizn': O russkom yazyke; O Chekhove; Ilya Repin; Prilozhenie* [Collected works: In 15 vols. Vol. 4: Alive as life: About the Russian language; About Chekhov; Ilya Repin; Appendix]. 2nd ed. Moscow, Agentstvo FTM, Ltd. Publ., 2012. 592 p.
- Dulichenko A. D. *Etnosotsiolingvistika "Perestroiki" v SSSR: antologiya zapечатlyonnogo vremeni* [Ethnosociolinguistics of "Perestroika" in the USSR: an anthology of captured time.]. München, Sagner, 1999. 583 p.
- Guseinov G. Ch. D.S.P. *Materialy k Russkomu Slovaru obshchestvenno-politicheskogo yazyka kontsa XX veka* [D.S.P. Materials for the Russian Dictionary of the socio-political language of the late XX century]. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2003. 1020 p.
- Guseinov G. [Lexicographer in Hell]. *Slovar' peremen – 2014* [A Dictionary of 2014 changes]. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2015, pp. 5–10. (in Russ.)
- Haudressy D. *Ces mots qui disent l'actualité: les mutations de la langue russe*. Paris: Institut d'études slaves, 1992. 267 p.
- Kostomarov V. G. *Nash yazyk v deistvii: Ocherki sovremennoi russkoi stilistiki* [Our language in action: Essays on modern Russian stylistics]. Moscow, Gardariki Publ., 2005. 287 p.
- Kostyrko S. [Books: Sergey Kostyrko's choice]. *Novyi mir*. 2022, no. 6. (in Russ.) Available at: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2022_6/Content/Publication6_8050/Default.aspx (accessed 19.02.2022).
- Kotelova N. Z. (ed.). *Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy-80* [New in the Russian vocabulary. Vocabulary materials of the 80s]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1984. 287 p.
- Krongauz M. A. (ed.). *Slovar' yazyka interneta.ru* [Dictionary of Internet.ru language]. Moscow, AST-Press Kniga Publ., 2016. 288 p.
- Krysin L. P. *Tolkovy slovar' inoyazychnykh slov: okolo 25 000 slov i slovosochetanii* [Explanatory dictionary of foreign words: About 25,000 words and phrases]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1998. 846 p.
- Krysin L. P. *Ocherki po sotsiolingvistike* [Essays on sociolinguistics]. Moscow, Flinta Publ., 2021. 360 p.
- Levashov E. A. (ed.). *Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy-88* [New in the Russian vocabulary. Vocabulary materials of 1988]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 1996. 420 p.
- Levashov E. A. (ed.). *Novye slova i znacheniya. Slovar'-spravochnik po materialam russkoi pressy i literatury 80-kh godov* [New words and meanings: Reference dictionary on the materials of the press and literature of the 80s]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 1997. 904 p.
- Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Tolkovy slovar' yazyka Sovdepia* [Explanatory dictionary of Sovdepia language]. St. Petersburg, Folio-Press Publ., 1998. 701 p.
- Priyomysheva M. N. (ed.). *Russkii yazyk koronavirusnoi epokhi: kollektivnaya monografiya* [The Russian language of the coronavirus era: a collective monograph]. St. Petersburg, Inst. of Linguistic Research Publ., 2021a. 610 p. (In Russ.)
- Priyomysheva M. N. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoi epokhi* [Dictionary of the Russian language of coronavirus epoch]. St. Petersburg, Institute of Linguistic Research Publ., 2021b. 550 p.

О. В. Никитин. Язык образов времени: *ёлкфри, заужайзинг, тиктокер, хайпозор...* (О «Словаре перемен...»)
O. V. Nikitin. The Language of Time Images: *yolkfri, zauzhaizing, tiktokker, khaipozhor...* (On "A Dictionary of... Changes")

- Sklyarevskaya G. N. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka kontsa XX veka: yazykovye izmeneniya* [Explanatory dictionary of the Russian language of the late twentieth century: language changes]. St. Petersburg, Folio-Press Publ., 1998. 700 p.
- Sklyarevskaya G. N. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka nachala XXI veka. Aktual'naya leksika: okolo 8500 slov i ustoychivyykh slovosochetanii* [Explanatory dictionary of the Russian language of the beginning of the XXI century. Current vocabulary: about 8,500 words and phraseologisms]. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 1131 p.
- Vishnevetskaya M. (comp.). *Slovar' peremen – 2014* [A Dictionary of 2014 changes]. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2015. 224 p.
- Vishnevetskaya M. (comp.). *Slovar' peremen 2015–2016* [A Dictionary of 2015–2016 changes]. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2018. 248 p.
- Vishnevetskaya M. (comp.). *Slovar' peremen 2017–2018* [A Dictionary of 2017–2018 changes]. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2022. 288 p.